

УДК: 94(47).084.072(470.62)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.13>

Н. С. Ткаленко

«УБЕГАЮЩИХ ЖЕ ОТ ЖЕСТОКОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПРИНИМАТЬ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВО...»: ПЛЕННЫЕ И БЕГЛЫЕ НА КУБАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 20-е ГОДЫ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Геополитические реалии, сложившиеся в результате победы Российской империи в войне против Турции 1787 – 1791 гг., несли для Петербурга новые вызовы, связанные с обустройством границы по реке Кубань. Здесь пришлось выстраивать отношения с горскими народами, специфический жизненный уклад которых не мог быть безоговорочно принят российской стороной. Серьезным вызовом для добрососедских отношений стали набеги с целью захвата пленников. Это провоцировало ответные военные акции, что ещё больше осложняло процесс мирного сосуществования.

В плен к горцам попадали не только военнослужащие, но и представители гражданского населения, проживающие в населенных пунктах, расположенных близ приграничного кордона. Многие полоняники, пройдя тяжелейшие условия рабской жизни, иногда получали возможность бегства из плена, и единственным спасением для них являлась российская граница. Сюда же выбегали и адыги, которые часто оказывались в неволе у своих соотечественников в результате междоусобиц. В надежде получить защиту на правобережье Кубани также уходили представители адыгских зависимых со-

словий, которые испытывали на себе всё более усиливающееся феодально-крепостническое притеснение от своих владетелей. Царская администрация оказывала защиту и гарантировала свободу бежавшей на российскую сторону черкесской бедноте, пленным ногайцам и татарам. Это приводило к осложнениям во взаимоотношениях с горской аристократией, провоцировало новые военные столкновения. Преодолеть взаимную неприязнь и выстроить модель взаимоотношений, которая устроила бы все стороны межкультурного диалога в рассматриваемый период, так и не удалось.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Российская империя, рабство, пленопродавство, горцы, сыры, набеги, бегство.

Для цитирования: Ткаленко Н. С. «Убегающих же от жестокости владельцев принимать под покровительство...»: пленные и беглые на Кубанском пограничье в 20-е годы XIX в. (по материалам Государственного архива Краснодарского края) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 266–273. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.13

Nikita S. Tkalenko

«THOSE FLEEING FROM THE CRUELTY OF THE OWNERS SHOULD BE TAKEN UNDER THE PROTECTION OF...»: PRISONERS AND FUGITIVES ON THE KUBAN BORDER IN THE 20s OF THE XIX CENTURY (ACCORDING TO THE STATE ARCHIVE OF KRASNODAR REGION)

The geopolitical realities that developed as a result of the victory of the Russian Empire in the war against Turkey in 1787 – 1791 carried new challenges for St. Petersburg related to the arrangement of the border along the Kuban River. Here it was necessary to build relations with the mountain peoples, whose specific way of life could not be unconditionally accepted by the Russian side. Raids aimed at capturing prisoners have become a serious challenge to good-neighborly relations. This provoked retaliatory military actions, which further complicated the process of peaceful coexistence.

Not only military personnel, but also representatives of the civilian population living in settlements located near the border cordon were captured by the highlanders. Many polonyaniks, having passed the most difficult conditions of slave life, sometimes got the opportunity to escape from captivity, and the only salvation for them was the Russian border. The Adygs also ran out here, who often found themselves in captivity with their compatriots as a result of internecine strife. In the hope of receiving protection on the right bank

of the Kuban, representatives of the Adyghes dependent estates also left, who experienced increasingly increasing feudal and serfdom oppression from their owners. The tsarist administration provided protection and guaranteed freedom to the Circassian poor, captive Nogais and Tatars who fled to the Russian side. This led to complications in relations with the mountain aristocracy, provoked new military clashes. It was not possible to overcome mutual hostility and build a model of relations that would suit all parties to intercultural dialogue during the period under review.

Key words: North-West Caucasus, Russian Empire, slavery, plethora, highlanders, yasyri, raids, flight.

For citation: Tkalenko N.S. «Those fleeing from the cruelty of the owners should be taken under the protection of...»: prisoners and fugitives on the Kuban border in the 20s of the XIX century (according to the State archive of Krasnodar region) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 266–273. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.13

Завершившаяся 29 декабря 1791 г. война между Османской и Российской империями привела к очередному изменению границы между ними, которая отныне пролегла по реке Кубань [25, с. 124]. Здесь проживали народы, ранее считавшиеся подданными турецкого султана, но сохранявшими значительную самостоятельность, что позволяет утверждать о формальном распространении на них власти Стамбула. Российской администрации предстояло выстраивать с ними взаимовыгодное партнёрство, чтобы обеспечить мирное сосуществование на вновь обретенных рубежах [30, с. 976]. Однако специфика социально-экономического и культурного уклада туземного населения не могла не вызывать отторжение у российской стороны, в частности, в вопросе, который касался такого явления, как работорговля или, вернее сказать, «пленопродавство».

Эта практика зародилась в регионе уже в античную эпоху и в дальнейшем сделалась неотъемлемым атрибутом местных реалий [4, с. 20]. В рассматриваемый период у горцев появились новые возможности для захвата «живого товара», т. к. начавшийся процесс освоения новых рубежей российским государством сопровождался колонизацией этих территорий и появлением здесь людей, плохо адаптированных к местной специфике. Они и становились потенциальной добычей горских «людокрадов» [21, с. 9]. Отметим, что при всём желании властей пресечь подобную практику, они не смогли справиться со столь сложной задачей и найти для местных «удальцов» иную привлекательную альтернативу. Вплоть до начала массового исхода черкесского населения в Турцию, захват пленников с целью их продажи оставался суровой реальностью северокавказского фронта.

Данная проблема уже не раз становилась предметом внимания со стороны исследователей-кавказоведов. Уже дореволюционные авторы отмечали различные аспекты этой стороны горского уклада. В частности, С.М. Броневский говорил о данном промысле у горцев следующее: «Все вообще наклонны к воинскому ремеслу, в коем упражняясь начально от бедности и единственно для похищения добыч, присвоили, наконец, сему званию понятие честолюбия и учредил по своему образу мыслей отличительная почести для поощрения к храбрости» [6, с. 38 – 39]. Ему вторил И.Ф. Бларамберг: «Они называют ремесло добывания – военной профессией, и те из них, которые являются мастерами своего дела, пользуются наивысшим уважением и создают себе имя, особенно если это князь, дворянин или один из старейшин; даже простолюдины приобретают себе репутацию таким же способом» [1, с. 19]. Н.Ф. Дубровин обращал внимание на тот факт, что отличившийся в походе черкесский воин в

дальнейшем сам собирал партии, количество участников которой было лучшей вывеской репутации предводителя [16, с. 67].

Изучение этой проблемы получило продолжение в трудах советских и российских учёных, акцентировавших внимание на социокультурных, экономических и политических причинах практики «пленопродавства». Например, М. М. Блиев рассматривал набеги горцев как источник получения материальных ресурсов, которые насильственно изымались у соседей, так как местная экономика не могла решить вопрос удовлетворения запросов общества [2, с. 16–17]. Это привело к возникновению такого понятия, как «хищничество», под которым скрывалось весьма сложное по своим целям и задачам явление [4, с. 20–21]. Высказывается предположение, что набеги являлись рычагом внутривнутриполитической борьбы адыгских князей. Князь обязан был защищать своих подвластных от нападений других феодалов и, в случае потери имущества у своих подданных, обязан был возместить утраченное, дабы не допустить ухода последних к иным феодалам [23, с. 31].

Набеговая деятельность у горцев являлась отработанной схемой. Прежде чем захватить пленников, они старались разузнать, каково благосостояние их семей, живущих на Линии, и после набега назначали сумму выкупа в соответствии с достатком семьи похищенного. Помимо этого, горцы требовали сумму за еду, крышу над головой и даже за цепи, которые носил человек, находившийся в неволе [20, с. 22].

Пленопродавством на территории Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. занимались и российские выходцы. Как правило, это были беглые казаки и крестьяне, которые стремились «раствориться» в адыгском обществе, дабы избежать военной службы и ответа за дезертирство перед российским судом [27, с. 32].

Не меньший интерес вызывает и процесс бегства на русскую сторону жителей Закубанья. Причины и последствия этих событий позволяют лучше понять особенность местных реалий, с которыми пришлось столкнуться Российской империи. Они во многом объясняют те политические шаги, которые предпринимала кавказская администрация, взаимодействуя с «горским миром». Ещё И.Ф. Бларамберг говорил, что «князь, так же как и дворянин, имеет право распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных и даже по своему усмотрению может продавать тех, кто занят в его домашних службах» [1, с. 82]. Таким образом, усиление феодализации адыгского общества могли быть мотивом бегства зависимых слоев на российскую сторону.

М. В. Покровский в своих трудах отмечал, что вследствие социальных сдвигов в адыгском обществе многие горцы попадали в плен к своим соотечественникам, которые перепродавали их

в отдаленные аулы, после чего те пытались бежать в российские пределы и получить свободу [24, с. 181–182].

Описывая причины бегства зависимого горского населения в российские пределы, А. Т. Керашев выделил общую значительную группу бежавших на российскую сторону закубанцев, которые испытывали притеснения местной знати, нависающие над подданными угрозы продажи в рабство на чужбину, а также захват в неволю соседними народами [19, с. 39].

По мнению М. М. Блиева и В. В. Дегоева, зависимые адыгские крестьяне, приравненные к невольникам, могли испытывать притеснения от своих господ. [3, с. 107]. А П. А. Кузьминов и Д. А. Огузова отмечали, что определенную роль в эмансипации крестьян сыграли прокламации А. П. Ермолова, в которых было объявлено, что те, крестьяне, у которых владельцы выступали против российского правительства, могли бежать на российскую сторону, где после этого получали свободу и защиту [22, с. 83].

В трудах Н. С. Степаненко основными причинами бегства на российскую сторону «черного народа» называются усиление закрепощения крестьян верхушкой черкесского общества, голод, криминал, бытовые разногласия, страх быть проданным в рабство [28, с. 144]. Помимо этого, российская администрация иногда обменивала бежавших беглых горцев на российских перебежчиков, ушедших к закубанцам [29, с. 204]. Данные обстоятельства могли подорвать доверие со стороны адыгов, желающих бежать от своих феодалов на российскую сторону, но с другой стороны пресечь процесс бегства российских подданных на территорию Закубанья.

В целом уже сейчас проблема набегов, пленопродавства и перехода на «русскую» сторону выходцев из горских сообществ вполне может стать предметом отдельного историографического исследования. В то же время её источниковая база нуждается в дополнительных свидетельствах, что позволит уточнить и углубить наше представление по данному вопросу.

К концу XVIII – началу XIX вв., благодаря российской внешней политике на Кавказе, крымские и ногайские татары как купцы «живого товара» выпали из системы работорговли, однако горцы продолжали заниматься пленопродавством, а Османская империя являлась главным потребителем невольников. В одной из российских публикаций отмечалось, что «до пришествия русских, весь край только и думал о личной безопасности» [20, с. 40 – 41].

Английский путешественник Э. Спенсер, весьма комплиментарно оценивавший горские племена, указывал, что до Черноморской блокады 1832 г., учрежденной российским правительством, процветала торговля черкесов с жителями Трапезун-

да, а также с турецкими торговцами из других портов Эвксина [26, с. 14]. В период господства турок, когда «пленопродавство» не только не прекращалось, но и всячески поощрялось, число вывозимых рабов только росло, поскольку спрос на них никогда не прекращался [18, с. 96]. Известны примерные расценки, которые колебались в зависимости от многих факторов (пол, возраст, физические особенности, место приобретения и т. д.). К примеру, раб мог стоить на территории Черкесии от 200 до 800 рублей серебром, а после доставки в Турцию, цена вырастала до 1500 рублей серебром [20, с. 53]. Особо ценились молодые девушки, а если они еще были и невинными, то их цена вырастала в три раза [20, с. 53]. Для сравнения стоимости, можно привести таксу российских меновых дворов 1827 г.: волы рабочие стоили от 40 до 50 рублей за пару; корова от 10 до 15 рублей; лошадь от 25 до 30 рублей и т.д. [14, л. 14].

Таким образом, за невольников черкес мог получить огромное состояние. Рассуждения о «самобытности, своей системе морально-этических ценностей» [23, с. 24], не отменяли наличие и вполне меркантильных, коммерческих мотивов, связанных с наживой.

В неволе у горцев Северо-Западного Кавказа, как правило, оказывались военнопленные (солдаты и офицеры российской армии, казаки). При этом пленение могло произойти не только в результате боестолкновения, но и в связи с утратой бдительности офицерами и солдатами, которых могли похитить в непосредственной близости от укрепления или колонны, находящейся на марше, а также по причине выполнения военнопленными работ по заготовке сена, дров и т.д. [1, с. 40].

Так, в 1822 г. на российскую сторону выбежал бывший рядовой российской армии 23-летний Кирилл Филиппов. Он родился в Симбирской губернии, по совершеннолетию принял военную присягу и попал в пехотный полк на Кавказ. Вскоре российский военный отряд, где служил рядовой Филиппов, попал в засаду и был разбит. К. Филиппов во время боя был ранен кинжалом в руку, взят в плен и продан абазинскому князю Мегмет Кирею. Оправившись от ранения и набравшись сил, Кирилл Филиппов бежал в российские пределы [11, л. 46].

Другим источником захвата пленников являлись набеги горцев на селения, станицы и города, из которых похищались молодые женщины и дети [17, с. 172]. В. Б. Броневский отмечал, что «черкесы производят ныне поиски свои следующим образом. Тайно переправившись через пограничные реки, разделяются на малые партии, от 20 до 30 и редко более 50 человек, разъезжаются в разные стороны; и засевши в ущельях гор или в каких-либо скрытых местах, в зрительную трубу высматривают, нет ли где крестьян отдельно в поле работающих, не видно ли по дороге обоза,

или путешественников с небольшим конвоем и в малом числе едущих. Высмотрев нападают там, где менее предвидят для себя опасности, и схвативши что под руку попадет, дабы избежать преследования, пускаются целиком чрез степь или по непроходимым стезям горами, и через ночь являются за сто верст; где снова высматривают, снова улавливают минуту способную для нападения» [5, с. 89–90].

В плену у адыгов постоянно находилось большое число ясырей, со своими трагическими обстоятельствами закабаления в неволю. Согласно одному из архивных дел, 30 января 1822 г. на российскую сторону из-за Кубани выбежал российский подданный, который с малолетства и более 30 лет пребывал в неволе и неоднократно продавался. Матвей Иванов, уроженец г. Сумы Слободско-Украинской губернии, происходил из семьи однодворцев. На допросе он вспоминал, что в раннем возрасте лишился отца, после чего мать его в возрасте 12-13 лет отдала трем купцам (скорее всего, из-за невозможности прокормить), которые в дальнейшем отправились на Кавказскую линию. На привале, не доехав до места прибытия, на купцов напали горцы. Всех, в том числе и Матвея, они увезли в свои владения. Продержав в ауле несколько дней, адыги переправили ясырей в Анапу, где Матвей был продан турку Мустафе на его корабль, прибывший из Анатолии. На данном судне Матвей был доставлен в поселение своего хозяина, находившееся недалеко от речки Кучук. Здесь в неволе он прожил 12 лет. Позже брат Мустафы Осман отправился на торговом судне к Кавказскому побережью, однако, не дойдя до места назначения, торговцы были схвачены, в том числе и раб Матвей Иванов, и вскоре проданы ногайцу Байчесу, у которого юноша пробыл в неволе 20 лет. Позже Матвей был продан ногайцу Девлесу, чьи владения находились в ауле Калембет. Здесь он находился 4 года. Затем Матвея продали в аул Азимат ногайцу Муртазу, у которого он проработал еще 5 лет, а позже – черкесу Наврузу, жившему рядом с крепостью Анапа. От него Матвей Иванов пытался бежать три раза, первые две попытки были неудачными, третья увенчалась успехом. Узник бежал три ночи, а днем скрывался от преследователей. Ему удалось выйти на российских рыбаков, а затем и военных. По его сведениям, закубанцы собирались вести русских пленных к Анапе (там было уже около 20 солдат и казаков), с тем, чтобы выменять их у российской стороны на своих людей, однако анапский паша запретил «мену», сказав, что в ближайшее время сам отправится на дипломатический разговор с российскими властями [12, л. 2–12].

Документы рисуют трагическую судьбу 75-летнего Ивана Петрова, выбежавшего на российскую сторону в 1823 г. Он родился в Нижегородской губернии в семье крепостного крестьянина. После

смерти его родителей, помещик отпустил Ивана на волю, дав отпускную грамоту. И. Петров отправился на рыболовный промысел в прикаспийские земли, где на разных заводах проработал около 20-ти лет. Однако здесь он потерял свою отпускную грамоту, был взят под стражу и отправлен как бродяга в Крым на крепостные работы. Оттуда вместе с российскими солдатами его переправили на Черноморское побережье, где весь строительный отряд попал в плен к черкесам. Иван Петров 10 лет находился в неволе у черкеса Муссы, затем был продан шапсугу Исламу, аул которого находился недалеко от реки Псеба. Подобрал удачный момент, Петров бежал в российские пределы [7, л. 68–69].

В неволе у закубанцев оказывались и торговцы. Так, в июле 1822 года на российскую сторону вышел 50-летний торговец Калашниченко, который происходил из Саратовской губернии. С семьей он переселился в Кавказскую губернию, в селение Петровское, вскоре женился на казачьей дочери, с которой нажил 4-х сыновей и 4-х дочерей. В 1820 г. Калашниченко поехал в Ставрополь торговать сеном. Возвращаясь обратно домой, он увидел группу черкесов, от которых попытался скрыться в камыше ближайшего водоема, однако был схвачен и уведён в черкесский аул. После недельного пребывания в темнице был продан князю Магмет Косяку, который отдал его своей теще. От неё полоняник бежал. Однако из-за голода и обморожения пальцев ног он сильно ослаб и был пойман другими черкесами, которые вернули его обратно теще Магмет Косяка, получив за это несколько быков. Через месяц Калашниченко был продан князю Шеретлоку, от которого ему удалось бежать и выйти к Александровскому посту [11, л. 16-17].

Также следует уделить особое внимание тому факту, что в 1820-е гг. на российской границе, в поисках защиты, появлялись выбежавшие из закубанского рабства ясыри – представители северокавказцев и соседних народов (черкесов, крымских татар, ногайцев и др.), а также представители адыгской бедноты, зависимой части населения.

В 1822 г. на российской границе появились два черкеса, которые попросили у российского правительства защиты. Один, по имени Магмет, в малолетстве потерял родителей и вскоре был продан анапскому турку, у которого находился в неволе, другой - до этого принял подданство России и вскоре после одного из сражений оказался в неволе [7, л. 73–79].

23 апреля 1822 г. на российскую сторону выбежал закубанец Хасан со своєю женой Баабухой, которые прибыли к Ольгинскому посту и попросили переправить их со своими вещами на правобережье Кубани. Они собирались принять подданство России. В ходе допроса было выяснено, что Хасану 28 лет, он шапсуг по происхождению,

родом из аула, располагающегося недалеко от реки Абль. В 15 лет Хасан был захвачен в плен натухайцами и продан ими шапсугскому владельцу Шеблеку, живущему не далеко от реки Абин. У данного владельца он являлся рабом до самого побега. Во время пребывания в кабале женился на ясырке, рожденной в неволе, черкешенке Баабухе. Российское командование привело беглецов к присяге и пропустило в свои пределы [11, л. 7–13].

19 мая 1822 г. на российскую сторону к Ново-григорьевскому посту выбежал ногаец Доут [9, л. 72]. Все беглецы, независимо от этнической принадлежности, на правом берегу Кубани становились свободными. Российское правительство оказывало помощь бежавшим, очевидно, испытывая недоверие к большинству адыгских аристократов, пророссийская позиция которых не была постоянной и прочной.

В том же году подданства России попросил татарин Мустафа, который был взят в плен турецкими янычарами и отправлен в Анапу, откуда потом бежал. Мустафа просил отпустить его в Феодосию, где жили его родственники. Просьба была удовлетворена [11, л. 92–93].

Адыгские князья, терявшие рабов и зависимых своих людей в результате побегов, приезжали на кордон и требовали вернуть закубанских перебежчиков. 15 июля 1822 г. черкесский владелец Ханук объявил о побеге от него 9 крестьян мужского и женского пола. Однако российское правительство не спешило с их возвратом, заявив, что эти люди, среди которых есть и вдова с двумя детьми, поступили в Бугазский карантин и показали, что они вольные натухаевцы, жившие до этого во владениях дворянина Шупако [11, л. 32–33]. Позже, в апреле 1823 г. князь Ханук со своим дворянином Хасаном и другими подвластными людьми сам просил разрешения переселиться на российскую сторону. С согласия российского правительства переселенцев разместили в ауле, находящемся вблизи Пашковского селения [13, л. 1–12].

Данные события не оставляли равнодушным не только российское правительство, но и турецкого султана. 4 февраля 1822 г. у стен Екатериндарского менового двора появился анапский паша. На переговорах он поднял вопрос о горско-казачьих отношениях, вспомнил ответные на горские набеги экспедиции черноморцев по близлежащим к Анапе черкесским аулам и увод казаками более 600 голов скота. Он обещал удерживать натухайцев и шапсугов от разорительных вторжений в российские пределы и просил российское правительство снизить таксу обмена пленными. В тот период 1 пленный черкес приравнивался к 2 русским невольникам (возможно, это говорит о том, что по факту русских пленников у черкесов было в разы больше). Помимо этого, анапский паша в знак примирения отдал 15

черкесских детей в аманаты российской стороне. Был произведен и обмен несколькими невольниками с обеих сторон [10, л. 3–29].

В январе 1823 г. в пределах России оказался татарин Селим Теузук, который назвал себя крымским уроженцем. В 15 лет он был захвачен черкесами в плен, после чего отправлен в крепость Анапу. Бежав от своего владельца и выйдя на российскую сторону, С. Теузук принес российским властям важную информацию: в Анапе уже около недели собиралась большая партия шапсугов и натухайцев, которые намеревались перейти Кубань недалеко от Ново-григорьевского поста, напасть на татарскую деревню для захвата жителей в рабство. Партией командовал дворянин Казбеч, которому анапский паша не только не мешал, а наоборот, помогал организовать поход, снабжая оружием. В походе собирался участвовать родной брат паши. Российское правительство оценило данную информацию, и вскоре пришло распоряжение от Александра I: «Селима Теузука пропустить через карантин и отпустить в город Бахчи-Сарай для жительства вместе со своими родственниками, осуществить свободный пропуск без задержки» [7, л. 3–8].

В июне 1823 г. на Лабинский карантин прибыл темиргоевский владелец Мисоуст, который требовал вернуть бежавших от него пятерых людей, объясняя это тем, что при отказе возникнет повод и для других адыгских крестьян бежать на российскую сторону. Требования Мисоуста сопровождалось вручением российским офицерам грамоты от И. В. Гудовича 1791 г., где говорилось об освобождении «от подданства, как сей Зановский народ, так и всюю горские народы за рекою Кубанью живущие» [8, л. 1–4]. Тем самым Мисоуст принимал данный документ за факт того, что он имеет полные права на своих крестьян.

Российское правительство занимало другую позицию в данном вопросе. В августе 1823 г. Главноуправляющий на Кавказе генерал А. П. Ермолов предписал: «Убегающих же от жестокости владельцев принимать под покровительство и ни под каким видом не возвращать» [8, л. 6].

Так же, в июне 1827 г. Нагой-Зей в возрасте 25 лет выбежал на российскую сторону к Ново-григорьевскому кордону от закубанского владельца, который его угнетал. Сам же он, Нагой-Зей являлся натухаевцем. Нагой-Зей попросил помощи у российского правительства и пожелал принять подданство. Он был поселен между горцами, также принявшими подданство России. Его местонахождение хранилось в тайне от остальных закубанцев, дабы не подвергать его риску вернуться в плен [15, л. 7].

Всё перечисленное не могло не обострять отношения с черкесскими князьями, требовавшими возврата беглецов. Однако и сами владельцы, если им в Закубанье угрожала опасность, стремились переселиться на российскую сторону.

В неволе ясыри не заслуживали хорошего отношения от своих владетелей. Если пленник являлся купцом, офицером, зажиточным человеком, то есть за которого горцы могли получить большую сумму, то его приковывали за шею, ногу, руку к стене, плохо кормили, не давали спать, а позже заставляли писать письмо о выкупе с назначенной ценой. После того как горцы получали от спасителей узника подтверждение о выкупе, к невольнику сразу же отношение менялось, заботились о здоровье и хорошо кормили. Ужаснее участь ожидала полоняников из простых людей, у которых не было богатой родни. Если они в дальнейшем не находили случая бежать из плена, то многие из них старились в неволе [20, с. 21–22].

Пленопродавство оставалось одним из главных раздражителей в русско-горских отношениях на Северо-Западном Кавказе. Оно затрудняло процесс органичного встраивания местных обществ в правовое пространство империи, ме-

шало налаживанию экономических и культурных контактов. Приведенные архивные документы показывают, что в 20-е гг. XIX в. на российскую сторону бежало немалое количество пленников-россиян, среди которых были однодворцы, крестьяне, купцы, военнослужащие Кавказского корпуса, оказавшиеся в горской кабале после набегов закубанцев. Пленниками-рабами также являлись захваченные в междоусобицах черкесы, ногайцы, татары и др. Кроме того, процессы социальной трансформации внутри «горского мира», сопровождались побегами в российские пределы представителей адыгской бедноты, которая стремилась избежать феодального гнёта своих владетелей. Это вызывало недовольство со стороны местной аристократии, провоцируя её на враждебные действия против империи. Найти в сложившейся ситуации модель взаимоотношений, которая устроила бы абсолютно все стороны затянувшегося конфликта, так и не удалось.

Список литературы

1. Бларамберг И. Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. 240 с.
2. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации / Марк Блиев. М.: Мысль, 2004. 878 с.
3. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
4. Бобровников В. О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе. // Вестник Евразии. 2000. №1. С. 19–46.
5. Броневский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. Часть четвертая. Поездка на Кавказ. СПб.: В тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг. 1834. 324 с.
6. Броневский С. М. Новейшая известия на Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: в 2 томах: т.1, т. 2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 459 с.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.261. Оп.1. Д. 63.
8. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.64.
9. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.74.
10. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.80.
11. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.83.
12. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.94.
13. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.100.
14. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.242.
15. ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.269.
16. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. 656 с.
17. Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
18. Ильясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 224 с.
19. Керашев А. Т. Побег адыгов в Россию (1828-1864 гг.) // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. / ред. В. Н. Ратушняк. Майкоп: Майкопское книжное изд-во, 1987. С. 35–58.
20. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба Российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б. В. Виноградова. Пятигорск: Рекламно-информационное агенство на Кавминводах, 2011. 256 с.
21. Клычников Ю. Ю. Северокавказский «очаг» работорговли («пленопродавства»): к постановке проблемы рабства // Slavery: Theory and Practice. 2020. №5(1). С. 4-18.
22. Кузьминов П. А., Огузова Д. А. Трансформация социального статуса адыгского крестьянства в традиционном обществе (конец XVIII – первая половина XIX века) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1(89). С. 80–87.
23. Марзей А. С. Черкесское наездничество «зеклуз». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 305 с.
24. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. 319 с.
25. Приймак Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: «Полипринт», 2011. 358 с.
26. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. 153 с.
27. Степаненко Н. С. Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX в. Slavery and Practice. 2019. 4(1). С. 171–173.

28. Степаненко Н.С. Обстоятельства переселения адыгского «черного народа» на подконтрольные России территории в 30-40-е гг. XIX в. // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13-15 ноября 2019 г.) Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 144–151.
29. Степаненко Н. С. Положение российских перебежчиков среди горцев Северо-Западного Кавказа в 30-60-е гг. XIX в. // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Сб. статей Ч. 2. Махачкала: Издательство ДГУ, 2016. С. 202–205.
30. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т.2: История войны казаков с закубанскими горцами. Краснодар: Тип. «Краснодарские известия», 2007. 744 с.

References

1. Blaramberg I. F. Kavkazskaya rukopis' (Caucasian manuscript). Stavropol': Kn. izd-vo, 1992. 240 p. (In Russian)
2. Bliiev M. M. Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii (Russia and the highlanders of the Greater Caucasus on the way to civilization). Moscow: Mysl', 2004. 878 p. (In Russian)
3. Bliiev M. M., Degoev V.V. Kavkazskaya voyna (Caucasian War). Moscow: Roset, 1994. 592 p. (In Russian)
4. Bobrovnikov V.O. Abreki i gosudarstvo: kul'tura nasiliya na Kavkaze (Abreki and the state: a culture of violence on Kavkaz) // Vestnik Evrazii. 2000. No. 1. P. 19 – 46. (In Russian)
5. Bronevskiy V. B. Istoriya Donskogo Voyska, opisanie Donskoy zemli i Kavkazskikh mineral'nykh vod. Part 4. Poezdka na Kavkaz (History of the Don Army, description of the Don land and Caucasian Mineralineye Vody. Part 4. Trip to the Caucasus). St.Petersburg, 1834. 324 p. (In Russian)
6. Bronevskiy S. M. Noveyshiya izvestiya na Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim: v 2 tomakh: t.1, t.2 (News in the Caucasus, collected and complete by Semyon Bronevsky: in 2 volumes: vol. 1, vol. 2) / ed by I. K. Pavlovoy. St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 459 p. (In Russian)
7. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F.261. Inv.1. D. 63. (In Russian)
8. GAKK. F.261. Inv.1. D.64. (In Russian)
9. GAKK. F.261. Inv.1. D.74. (In Russian)
10. GAKK. F.261. Inv.1. D.80. (In Russian)
11. GAKK. F.261. Inv.1. D.83. (In Russian)
12. GAKK. F.261. Inv.1. D.94. (In Russian)
13. GAKK. F.261. Inv.1. D.100. (In Russian)
14. GAKK. F.261. Inv.1. D.242. (In Russian)
15. GAKK. F.261. Inv.1. D.269. (In Russian)
16. Dubrovin N. F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze (History of war and Russian rule in the Caucasus). Vol.1. St.Petersburg: Tipographia Departamenta udelov, 1871. 656 p. (In Russian)
17. Dudarev D. S., Dudarev S. L. Severnyy Kavkaz glazami predstaviteley rossiyskogo obshchestva pervoy poloviny – serediny XIX veka (North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half - mid-19th century). Armavir; Stavropol': Dizayn-studiya B, 2017. 402 p. (In Russian)
18. Il'yasova A. A., Grankin Yu. Yu. Torgovyy faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoy polovine XIX vekov (Trade factor in the system of political and co-economic development of the North Caucasus in the XVIII – first half of the XIX centuries). Pyatigorsk: PSLU publ., 2013. 224 p. (In Russian)
19. Kerashev A. T. Pobegi adygov v Rossiyu (1828 – 1864 gg.) (The shoots of the Adyghe to Russia (1828 – 1864) // Voprosy obshchestvenno-politicheskikh otnosheniy na Severo-Zapadnom Kavkaze v XIX v. / ed V.N. Ratushnyak. Maykop: Maykopskoe knizhnoe izdatelstvo, 1987. P. 35–58. (In Russian)
20. Klychnikov Yu. Yu., Tsybul'nikova A. A. «Tak buynuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba Rossiyskoy gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) («So violent liberty for the horses are being squeezed...»: the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays) / ed by B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoe agenstvo na Kavminvodakh, 2011. 256 p. (In Russian)
21. Klychnikov Yu.Yu. Severokavkazskiy «ochag» rabotorgovli («plenoproductiva»): k postanovke problemy rabstva (North Caucasus «hearth» of the slave trade («captive-selling»): to the formulation of the problem of slavery) // Slavery: Theory and Practice. 2020. No.5(1). P. 4–18. (In Russian)
22. Kuz'minov P. A., Oguzova D. A. Transformatsiya sotsial'nogo statusa adygsckogo krest'yanstva v traditsionnom obshchestve (konets XVIII – pervaya polovina XIX veka) (Transformation of the social status of the Adyghe peasantry in traditional society (late XVIII – first half of the XIX century) // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2017. No. 1(89). P. 80–87. (In Russian)
23. Marzey A. S. Cherkesskoe naezdnichestvo «zeklue». Iz istorii voennogo byta cherkesos v XVIII – pervoy polovine XIX veka (Cherkess horseback «zeklue». From the history of the military life of the Circassians in the XVIII – first half of the XIX century). Nal'chik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2004. 305 p. (In Russian)
24. Pokrovskiy M. V. Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka: Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki (From the history of the Adyghe at the end of the 18th – the first polo wine of the 19th century: Socio-economic essays). Krasnodar: Knizhnoe izdatelstvo, 1989. 319 p. (In Russian)
25. Priymak Yu. V. Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII – pervaya tret' XIX v.) (North-Eastern Black Sea Region in the internal and foreign policy processes of the formation of the southern borders of Russia (the end of the XVII – the first third of the XIX century). Armavir: «Poliprint», 2011. 358 p. (In Russian)
26. Spenser E. Puteshestviya v Cherkessiyu (Travels to Cherkessia). Maykop: RIPO «Adygeya», 1994. 153 p. (In Russian)
27. Stepanenko N. S. Beglye kazaki i krest'yane – rabovladel'tsy na Severo-Zapadnom Kavkaze v seredine XIX v. (Runaway Cossacks and peasants are slave owners in the Se-vero-West Caucasus in the middle of the XIX century) // Slavery and Practice. 2019. No. 4(1). P.171–173. (In Russian)

28. Stepanenko N. S. Obstoyatel'stva pereseleniya adygskogo «chernogo naroda» na podkontrol'nye Rossii territorii v 30–40-e gg. XIX v. (The circumstances of the resettlement of the Adyghe «black people» to the territories controlled by Russia in the 30-40s. XIX century) // *Narody Kavkaza v tsivilizatsionnom prostranstve Rossii: materialy VI Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov* (g. Rostov-na-Donu, 13-15 noyabrya 2019 g.) Rostov-on-Don: SSC of RAS publ., 2019. P. 144–151. (In Russian)
29. Stepanenko N. S. Polozhenie rossiyskikh perebezhchikov sredi gortsev Severo-Zapadnogo Kavkaza v 30-60- e gg. XIX v. (The situation of Russian defectors among the highlanders of the North-West Caucasus in the 30-60s. XIX century) // *Tret'i Vserossiyskie (s mezhdunarodnym uchastiem) istoriko-etnograficheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora Magomedova Rasula Magomedovicha. Part. 2.* Makhachkala: DSU publ., 2016. P. 202–205. (In Russian)
30. Shcherbina F. A. Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska: In 2 Vol. Vol.2: Istoriya voyny kazakov s zakubanskimi gortsami. Krasnodar (The history of the Kuban Cossack army: In 2 Vol. Vol.2: History of the war between the Cossacks and the Zakuban highlanders): Krasnodarskie izvestiya, 2007. 744 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Ткаленко Никита Сергеевич – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / nik.tkalenko.1996@mail.ru
Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Tkalenko Nikita S. – post-graduate student, Chair of Historical and Socio-Philosophical Courses, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / nik.tkalenko.1996@mail.ru
The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.